

ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ К. С. СТАНИСЛАВСКОГО

ЕСТЬ В МУЗЕЕ Художественного театра заветная комната. Большую ее часть занимают огромные сейфы с бесценными сокровищами: в специальных коробках бережно хранятся экземпляры пьес с пометками гениального режиссера, детально разработанные партитуры спектаклей, поставленных К. С. Станиславским, стенограммы репетиций и занятий со студийцами, которые он вел, материалы, связанные с разработкой «системы» — от первоначальных набросков до окончательных вариантов, дневники и записные книжки великого реформатора сцены, его переписка, насчитывающая более семи тысяч писем.

Хранитель и неутомимый исследователь материалов архива К. С. Станиславского Сергей Ваганович Мелик-Захаров открывает один из семи сейфов и достает с полки коробку с записными книжками Константина Сергеевича. Они относятся к различным периодам его жизни. Вот перед нами изрядно потрепанный блокнот с записями, сделанными основателем МХАТа незадолго до смерти.

С трепетным волнением читаем беглые заметки, записи внезапно возникшей мысли и наряду с этим — отточенные высказывания. Вот, например: «Мечтать — значит внутренне видеть (воображать), фантазировать — тоже». Или: «Пережив, сначала убедись, а потом уж убеждай». А вот глу-

бокое и очень интересное замечание, как видно, результат глубоких раздумий Константина Сергеевича: «Режиссер должен при создании мизансцены видеть ее внутренним глазом из зрительного зала и чувствовать ее со сцены, то-есть должен прожить ее и как зритель и как актер».

Все записные книжки (а их около ста двадцати) аннотированы, каждая сделанная в них запись расшифрована. Дело теперь за тем, чтобы быстрее опубликовать эти уникальные документы, позволяющие заглянуть в творческую лабораторию К. С. Станиславского.

НА ДНЯХ РУКОПИСНОЕ наследие замечательного мастера сцены, собранное в музее МХАТа, пополнилось новыми материалами из архива недавно умершего заслуженного артиста РСФСР Павла Ивановича Румянцева. С самого основания оперной студии — Театра имени К. С. Станиславского — Румянцева на протяжении нескольких лет ее солист (он поет партии Онегина, Грязного, Елецкого, Эска-

мильо), затем становится режиссером-постановщиком и под непосредственным руководством Константина Сергеевича осуществляет спектакли «Пиковая дама», «Кармен» и «Риголетто».

«Румянцевский архив» еще не собран, но даже по одной только описи содержащихся в нем материалов видно, каким ценным он является. Особенно интересны книги протоколов репетиций и спектаклей оперной студии-театра.

Вот, например, указания актерам — исполнителям ролей в «Евгении Онегине» и «Царской невесте», написанные рукой К. С. Станиславского. Пять страниц, в частности, занимают замечания по спектаклю «Евгений Онегин». Они датированы январем 1927 года. Вот одно из них, относящееся к четвертой картине — балу у Лариных: «Все время бал (сзади) пуст. Поэтому никакого бала нет. Надо, чтоб все время там танцевали и сидели старушки... Никогда не понимаю — почему Смирнов (Ленский. — Р. Б.) садится, почему он сидит (когда входят гости с Трике). Или он так опечален,

что ничего не замечает (это надо подготовить и сыграть) или он невежа».

А вот запись, сделанная Константином Сергеевичем после просмотра одного из первых спектаклей «Царской невесты»: «Макеев (Грязной. — Р. Б.) допустил ошибку. Забыл поставить ковш с вином. Велика важность!! И не надо его. Сиди и думай о Марфе. Но Макеев в самый подъемный момент признания ему Любаши ушел за кувшином и поставил ее в безвыходное положение — либо петь пустому месту, либо петь спиной к зрителям. Что важнее в этот момент — кувшин или внутренняя душевная линия Любаши? Что важнее, то и надо беречь».

Несколько последних страниц занимают записанные рукой П. И. Румянцева высказывания Константина Сергеевича во время репетиций «Риголетто», проходивших в его квартире в апреле—мае 1938 года (постановка оперы «Риголетто» была завершена Румянцевым уже после смерти Станиславского, премьера состоялась 10 марта 1939 года). Незадолго до смерти Константин Сергеевич говорил:

«Риголетто сделать уродом, увеличив голову и низкие каблукки. Чрезмерная голова. У Джильды в головном уборе и костюме домашняя случайность. Зритель должен запомнить неожиданность костюма Риголетто во II акте».

Трудно оторваться от рукописей, согретых интеллектом гениального художника-мыслителя. Какой это неисчерпаемый клад для мудрости для любого деятеля сцены! Хотелось бы, чтобы материалы скорее стали достоянием всех, кто любит театр.

Р. БРАЙНИНА.

«СОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУРЫ»
Г. МОСКВА

12 ЯНВ 1963